

Ужесточ. - 1989 - 7 мая

В БОЛЬШОМ зале Московской консерватории прозвучал «Антиформалистический раёк» — неизвестное широкой публике, окруженное ореолом таинственности произведение Дмитрия Шостаковича. Несколько раньше «Раёк» был представлен американской публике М. Ростроповичем. Однако он располагал копией лишь с первоначальной, черновой версии, а Государственный камерный хор Министерства культуры СССР под управлением Валерия Полянского и Михаил Козаков (в роли Чтеца) исполнили произведение в последней авторской редакции, по автографу. И все-таки настоящая премьера еще впереди — удалось найти автограф заключительной части «Райка», усиливающей обличительный, сатирический смысл всего произведения.

Что же такое «Антиформалистический раёк», как и когда он появился и почему так долго оставался неизвестным даже для специалистов?

В сущности, это одноактная сатирическая опера, действующие лица которой — Ведущий, Музыковед номер один Единцын, Музыковед номер два Двойкин, просто Товарищ Тройкин и вовсе безымянные «музыкальные деятели и деятельницы». Все они — участники собрания во Дворце Культуры по вопросу «о борьбе реалистического направления в музыке с формалистическим направлением в ней же».

Эту ядовитую, убийственно смешную пародию на бесчисленные погромные митинги, обсуждения, собрания и заседания, в ходе которых разоблачались, осуждались и клеймилась гении отечественной литературы, науки, художественной культуры, Шостакович начал писать под непосредственным впечатлением от Совещания деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г. (Композитор был объявлен там «антинародным формалистом»). Уже летом того же года Шостакович играл близким друзьям готовое сочинение. Слушать его, наверное, было очень весело и очень страшно. Беглая, почти зашифрованная нотная рукопись могла стать уликой...

В фигурах докладчиков из «Райка» слишком явно узнавались прототипы: Сталин и Жданов. Особенно «фотографичен» Единцын, в неповторимой сталинской манере катехизисных вопросов и ответов разъясняющий:

«Почему реалистическую музыку пишут народные композиторы, а формалистическую — антинародные композиторы? — Народные композиторы пишут реалистическую музыку потому, товарищи, что, являясь по природе реалистами, они не могут не писать музыку реалистическую. А антинародные композиторы, являясь по природе формалистами, не могут не писать музыку формалистическую». Метко схваченный стиль

кого глумления над искусством.

Ясно, что о публичном исполнении «Райка» тогда не могло быть и речи. Но это ли не свидетельство внутренней свободы композитора, позволявшей ему возвыситься над своими гонителями!

Спустя десятилетие, в годы «оттепели», Шостакович решил продолжить работу, добавив третью фигуру. Импульсом послужила некомпетентная речь Шепилова на втором Всесоюз-

специалистов: написанный на бумаге иного формата и не имеющий начала, фрагмент нотного автографа находился среди других рукописей. Шостакович, и уверенно определить его принадлежность не удавалось. Помог случай. На московскую премьеру приехал близко знавший Шостаковича ленинградский композитор Вениамин Баснер. Встретившись с ним перед началом концерта, я решил спросить, не знает ли он, что это за сочинение: «Бдительность, бдительность всегда, во всем! Бдительность, бдительность всегда, везде!» и так далее. «Так это же и есть «Раёк», — сказал он. — Я помню, как Дмитрий Дмитриевич это играл и пел очень смешно, и даже кое-что прямо при мне вписывал в ноты. Это как раз финал «Райка!». И действительно, оказалось, что обрывавшаяся в финале на полуслове фраза Тройкина естественно заканчивается в обнаруженном фрагменте и переходит в сцену, где солист и хор рьяно призывают друг друга неустанно бороться с влиянием враждебной идеологии: «Постоянно всюду бди!». В единодушном порыве участники собрания пускаются в пляс...

Держа в руках этот драгоценный автограф, с волнением думаешь: сколько удивительных сюрпризов преподнес нам Дмитрий Дмитриевич уже после своей кончины — две незавершенные комические оперы, «Игроки» по Гоголю и «Большая молния» на либретто Н. Асеева, замечательные романсы на слова Пушкина и Лермонтова, обработки народных песен и пьесы для струнного квартета, миниатюрная детская кино-опера «Глупый мышонок» по сказке С. Маршака и грандиозный балет «Золотой век», пять десятилетий остававшийся в забвении. И еще предстоят современному слушателю встречи-открытия не только с забытыми балетами «Болт» и «Светлый ручей», но также и с совершенно неизвестными сочинениями.

А «Антиформалистический раёк» прозвучит полностью в начале будущего концертного сезона, может быть, в день рождения композитора — 25 сентября. Это и будет настоящая мировая премьера.

Манашир ЯКУБОВ.

ПРЕМЬЕРА ВПЕРЕДИ

Обнаружен финал
«Антиформалистического райка»
Д. Д. Шостаковича

его речей, «очень обстоятельных и несколько примитивных», как заметил еще в 1937 году Л. Фейхтвангер, стиль, памятный нам по многочисленным грампластинкам и радиовыступлениям Вождя народов, соединен в музыкальной характеристике с излюбленной мелодией Сталина — «Сулико» (звучит в «Райке» и любимая им «Калинка»).

В текст Двойкина Шостакович вмонтировал исторические высказывания Жданова, поучавшего композиторов. «Музыка не мелодична, музыка не эстетична, музыка не гармонична, музыка не изящна — это, это бормашина! Или музыкальная душегубка!» — поет Двойкин. Жданов же в 1948 году «пел» так: «Надо сказать прямо, что целый ряд произведений современных композиторов настолько перенасыщен натуралистическими звуками, что напоминает, простите за неизящное выражение, не то бормашину, не то музыкальную душегубку. Просто сил никаких нет, обратите вы на это внимание! (Смех, аплодисменты)». Агрессивно невежественные руководящие указания соединяются у Двойкина с примитивной, банальной, сладкой мелодией, и это странное, противоестественное сочетание придает его речам характер какого-то жут-

ном съезде композиторов в 1957 году. Но в целом Тройкин — это уже не индивидуальный портрет. Это собирательный образ функционера-аппаратчика нового поколения, олицетворение чиновничества от культуры.

Вереницу карикатурных персонажей «Райка» можно было продолжить: жизнь давала новый материал, и за Тройкиным могли выступать Четверкин, Пятеркин, Шестеркин...

По некоторым деталям аккуратно переписанной начисто авторской рукописи видно, что композитор думал о публичном исполнении «Антиформалистического райка». В это время он играл свой сатирический опус уже значительно более широкому кругу музыкантов. Однако вскоре общественный климат вновь заметно «похолодал», в 1963 году была запрещена сразу после премьеры Тринадцатая симфония Шостаковича на слова Евтушенко. «Раёк» опять пришлось спрятать.

Тем не менее во второй половине 60-х годов Шостакович вновь обратился к своей рукописи, дописав блестящий финал — оду неусыпной бдительности. Именно этот заключительный раздел «Райка» и не был до самого последнего времени известен даже узкому кругу

201